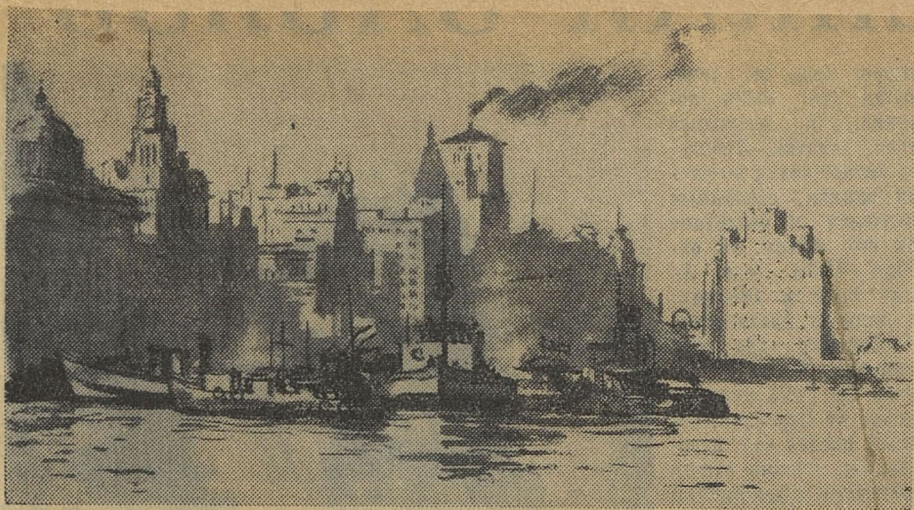

Из китайского дневника художника О. Верейского. «Набережная Шанхая».

Вера МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР

ДВЕНАДЦАТЬ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЕЙ

Передо мной на рабочем столике — черная лакированная шкатулка с узорами из слоновой кости и перламутровыми изображениями двух летящих женщин, может быть, муз, может быть, богинь. В шкатулке — письма, фотографии, сувениры моих китайских друзей — знаки внимания, дружбы и любви. В ноябре минувшего года в Китае проходил фестиваль советских фильмов, и я была там в составе делегации наших киноработников.

С особенным чувством я встречаю сегодняшний большой праздник: ведь такие понятия, как союз наших государств, дружба наших народов, воспринимаются мною не как что-то отвлеченное. Они для меня вполне конкретны, реальны и осязаемы. Они воплощены и вот в этой шкатулке с таким дорогим для меня содержимым, и в милых лицах товарищей — прекрасного режиссера Чен Ина, обаятельных актрис Бай Ин и Чэ И, и во всех тех непередаваемо трогательных встречах, которые продолжались для меня — увы! — только 12 дней.

Все мы, советские люди, побывавшие в Китае, возвращаемся оттуда, я бы сказала, немного одержимыми: хочется непрерывно что-то рассказывать об увиденном, писать, что-то показывать, объяснять... Такие это люди, такая страна!

И вот, пожалуй, наиболее образное впечатление от Китая — молодежь, склонившаяся над книгами! Не в унылой позе зубрил или начетчиков, а в энергичном движении людей с горящими глазами, неистово стремящихся учиться, узнать побольше и поскорее, чтобы приблизить расцвет своей родины. Эта потребность узнавания чего-то полезного или необходимого для себя передается вам в Китае от окружающих собеседников моментально.

И всегда, когда я выходила на эстраду, чтобы рассказать китайским зрителям о своем творческом пути или о задачах советского искусства, я некоторое время стояла молча. Не потому, что не находила слов, а потому, что чувствовала — нужно говорить необычайно точно, без пустых и лишнего фраз. Хотелось раскрыться перед этими людьми лучшими сторонами своей души, передать им самое ценное, что в тебе есть. Нужно ли говорить, какими мобилизованными чувствовали мы себя там. И, кстати сказать, это сочеталось с такой характерной чертой китайского народа, как желание и умение не только впитывать и учиться, но и отдавать, делиться.

А делиться есть чем. И потому, что немалыми богатствами обладает многовековая культура китайского народа, и потому, что процесс строительства нового Китая содержит в себе многое такое, чему хотелось бы учиться и следовало бы учиться и нам, и другим странам. Учиться не только таким внешним вещам, как, например, ставшая нарицательной чистота китайского быта, но и таким качествам, как предельная внутренняя и внешняя дисциплина, собранность, душевная чистота, скромность и серьезность при полной душевной открытости и общительности.

Меня, как актрису, часто заставляло задумываться это умение «брать» и «отдавать». Надо сказать, что во время нашего кратковременного путешествия по маршруту Пекин — Нанкин — Шанхай — Ханчжоу происходила своеобразная эстафета, очень трогавшая нас. В каждом городе советскую делегацию принимала группа творческих работников — актеров, режиссеров, учащихся театральных и кинематографических учебных заведений. Показав все, что могло представить для нас интерес в их родном городе, они как бы передавали нас своим товарищам в сле-

дующем городе. Так что общений по творческим вопросам было много.

Каждый раз, когда начинались пытливейшие расспросы о том, как создавался тот или иной наш фильм, я помнила: нас расспрашивают деятели хотя и молодой кинематографии, но зато наследующей такому блистательному по мастерству и выразительности явлению искусства, как китайский национальный театр и, в частности, памятный москвичам Шанхайский театр пекинской музыкальной драмы.

Думая о будущем китайского кинематографа, уже сегодня давшего такие фильмы, как «Драконов ус», «Стальной солдат», «Седая девушка», «Семья профессора Цзяна», «Моление о счастье», я всегда вспоминаю строки из письма, полученного мною в Китае. Вот они: «...Еще хочу сказать вам об одном, что мальчик, который вам пишет письмо, решил отдать свою жизнь делу киноискусства. Так как уровень нашего киноискусства еще отстает от мирового уровня и количество выпущенных фильмов незначительно, киностудий еще мало. Но самое важное то, что мало тех, кто занимается деятельностью киноискусства. Я даже плакал из-за такого положения. Но ничего. Вы, наши великие друзья, поможете нам...».

Подписано письмо так: «Ваш мальчик, который вас горячо любит, Дянь Ха-линь. 7 ноября 1956 г. Пекин. Средняя школа № 11».

Читаю эти строки, а передо мной оживает образ великой страны — молодежь, склонившаяся над книгами. Образ молодости, тема молодости, всегда связанная с чем-то новым, возникающим, строящимся, потому еще так прижимаю к Китаю, что там, как нигде, — а мне было с чем сравнивать, я побывала во многих странах, — ощущается желание поближе познакомиться, как-то «сердечно прикоснуться» друг к другу. И это будит ответные чувства.

...Я очень волновалась, думая о том, как прозвучит в Китае наш фильм «Мать», лишенный русского языка. Ведь китайцам свойственен несколько гортанный высокий звук голоса, а у горьковской Ниловны голос должен быть низким, даже чуть глуховатым, — я сама много билась над этим. И вот смотрю фильм. С экрана звучит низкий, глубокий, сердечный звук, чудесные неожиданные и разнообразные интонации — это голос одной из лучших актрис Китая Шу Сю-вэнь. Она не просто озвучила, она сыграла Ниловну так, как это может сделать художник, понявший душу образа, она помогла китайским зрителям лучше узнать любимый всеми нами образ русской рабочей матери, а мне Шу Сю-вэнь помогла понять душу китайского народа. Очень хотелось встретиться с ней, но удалось это только за день до моего отлета из Пекина в Москву. Мы, наконец, увиделись и уже не расставались, хотя, конечно, одного дня нам не хватило, чтобы переговорить обо всем...

Я смотрела из окна самолета на милые лица провожающих, на удаляющуюся китайскую землю и думала о силе дружбы, о том, что вот еще 12 дней назад я знала Китай только по газетам и журналам, по официальным встречам с китайскими товарищами в Москве. А увожу с собой бесценные воспоминания о многих и многих людях — строителях Китайской Народной Республики, которых могу назвать своими самыми близкими и сердечными друзьями. С уплывающего летного поля мне ласково машет рукой моя дорогая сестра — так написала Шу Сю-вэнь на своей карточке, которую она мне подарила.